

**МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ И РУССКИЕ ДУХОВНЫЕ МИССИИ
ЗА РУБЕЖОМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)¹**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Министерства иностранных дел (МИД) как инициатора учреждения русских духовных миссий (РДМ) за рубежом как церковно-дипломатических представительств Российской империи. На примере РДМ, действующих в Пекине, Иерусалиме, Японии и Урмии, показаны основные направления работы светских и церковных дипломатов в ближневосточном и северо-тихоокеанском регионах в условиях конкуренции с западными державами во 2-й половине XIX в., когда миссионерство использовалось в качестве одного из наиболее эффективных инструментов колониальной политики великих держав. Межведомственное взаимодействие МИДа и Святейшего Синода привело к реформированию миссионерского и церковного русского присутствия за рубежом и созданию новых православных форпостов на рубежах Российской империи.

Ключевые слова: Министерство иностранных дел, русские духовные миссии, миссионерство, протестантизм, католицизм, православие.

Колониальная политика великих держав на Ближнем и Дальнем Востоке в XIX в. неоднократно приводила к обострению международных отношений вплоть до вооруженных конфликтов. Конкуренция и противостояние Великобритании, Франции и России проявлялось во всех сферах деятельности – экономической, социально-политической, научной, культурной и миссионерской. В дипломатии держав в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах миссионерское движение использовалось в качестве одного из наиболее эффективных каналов влияния и инструментов политического проникновения.

По примеру Франции, Великобритании, США, миссионерская деятельность которых осуществлялась при неизменной поддержке внешнеполитических ведомств, российский МИД в своей работе на Ближнем и Дальнем Востоке опирался на такие представительства России за рубежом как РДМ. В случае отсутствия российских консульских постов духовные миссии выполняли не только церковные, но и дипломатические функции (как это было до 1858 г. в Иерусалиме и до 1861 г. в Пекине).

При учреждении и организации работы русских духовных миссий в XIX в. инициатива, как правило, исходила из МИДа, в юрисдикции которого находились не только вопросы политических и торговых международных отношений, но и покровительство русским интересам, защита русских подданных по их делам за границей. Важнейшим направлением работы российского дипломатического ведомства было содействие миссионерской деятельности Русской Православной Церкви за рубежом, причем большое внимание уделялось деятельности протестантских и католических миссионеров, носившей не только антиправославный, но и антироссийский характер. Главное назначение РДМ состояло в противодействии инославной пропаганде.

Выстраивание церковно-дипломатических отношений России в регионах, где внешняя политика держав преимущественно опиралась на конфессиональный фактор, осуществлялось при тесном взаимодействии светских и церковных структур, и одна из функций МИДа и Синода по расширению русского присутствия за рубежом заключалась в

* **СМИРНОВА Ирина Юрьевна** — доктор исторических наук; Институт российской истории РАН; Центр истории религии и церкви; ведущий научный сотрудник; г. Москва, Россия; irinasmirnova@mail.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-09-41016.

формировании и обеспечении взаимодействия дипломатических структур (посольства, консульства, вице-консульства, агентства) и церковных учреждений (посольские церкви и РДМ).

К середине XIX в. за рубежом действовали три РДМ: Пекинская (1715 г.), Иерусалимская (1848 г.) и Русская Духовная Миссия в Америке (1799 г.). Последняя приобрела в конце 1840 г. епархиальный статус во главе с известным миссионером – апостолом Аляски святителем Иннокентием (Вениаминовым), возведенным в декабре 1840 г. в сан епископа Камчатского и Алеутского и Аляскинского, а в апреле 1850 г. – в сан архиепископа.

После Крымской войны, в которую Россия была вовлечена одновременно на Ближнем и Дальнем Востоке, программа александровских реформ не могла не коснуться и внешней политики. Перед русской дипломатией, как светской, так и церковной, встала задача выработки новых подходов, состоявших, прежде всего, в формировании сферы собственных интересов и, соответственно, собственного плацдарма проникновения. Необходимость реорганизации всей системы дипломатической и церковной работы потребовала формирование новой концепции русского политического, духовного, культурного присутствия как в Ближневосточном, так и в Северо-Тихоокеанском регионах. В условиях, когда «военное решение надолго исключалось из арсенала российских внешнеполитических средств»¹, был взят курс на активизацию мирного православного присутствия России в соседних государствах (Османской империи, на Балканах, в Китае, США), где приоритетное значение придавалось церковным представительствам за рубежом – РДМ.

Заключение Парижского мира обозначило смену задач и методов европейской политики на Христианском Востоке. Изменились акценты и в области межцерковных отношений: новое развитие получило русское духовное присутствие на Святой Горе Афон; под контроль российских дипломатов берется конфессиональная ситуация на Балканах: в Святой Земле, эпицентре дипломатической, церковной и миссионерско-благотворительной деятельности всех христианских конфессий, потерпевшая поражение Россия берет реванш в сфере духовного, культурного и гуманитарного присутствия. По инициативе вице-канцлера А.М. Горчакова в 1857 г. в Иерусалиме возобновила работу Русская Духовная Миссия, во главе которой был поставлен епископ, в 1858 г. было открыто российское консульство, в 1859 г. – создан Палестинский комитет в Петербурге².

Религиозная направленность была присуща российской дипломатии не только в странах Православного Востока, но и в Северо-Тихоокеанском регионе – в Цинском Китае, Японии и Северной Америке, где русское экономическое освоение шло рука об руку с культурно-просветительской работой православных миссионеров.

На Дальнем Востоке и в Цинском Китае, население которых подвергалось опасности прозелитизма со стороны западных миссионеров, российское дипломатическое присутствие вплоть до учреждения российского консульства де факто реализовалось через РДМ в Пекине, единственное до 1861 г. российское учреждение в Китае. Изначально устроенная для духовной поддержки православных албазинцев, Пекинская Духовная Миссия выполняла функции дипломатического посольства при Цинском дворе и действовала по инструкциям Азиатского департамента Министерства иностранных

¹ Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 гг. // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX в. М., 2007. С. 223.

² См. подр.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014.

дел¹.

На фоне усиления миссионерской активности западных держав в связи с открытием Китая и Японии для иностранных держав на повестку дня был поставлен вопрос о развитии церковного и политического присутствия России в Дальневосточном и в Северо-Тихоокеанском регионе. Для установления торгово-экономических отношений с цинским Китаем, освоения российских территорий региона, а также в целях соблюдения безопасности дальневосточных границ и создания противовеса политическому проникновению западных держав (Великобритании, Франции и США) приоритетным направлением российской политики стало расширение церковно-миссионерской деятельности в Восточной Сибири (в т. ч. Приамурье и Приморье) и Китае.

После заключения Пекинского договора, согласно которому Россия приобретала новые возможности для развития дипломатических отношений с Китаем и распространения православной проповеди среди китайцев, в МИДе было принято решение о реорганизации Пекинской РДМ. При этом фактическое начало дела православной проповеди в Китае среди китайского населения началось по инициативе русских дипломатов в 1859 г., когда вице-адмирал граф Е.В. Путятин поставил вопрос о реформировании Пекинской РДМ в связи с присутствием в Китае широкой сети католических учреждений и протестантских миссий. В разработке основных направлений деятельности РДМ в Пекине непосредственное участие наряду с видными государственными деятелями и дипломатами (великий князь Константин Николаевич, князь А.М. Горчаков, граф Е.В. Путятин, граф Н.П. Игнатьев), приняли выдающиеся российские иерархи Иннокентий (Попов-Вениаминов) и Филарет (Дроздов), что свидетельствует о тесном сотрудничестве иностранного и духовного ведомств².

Для повышения эффективности духовно-просветительской работы среди китайского населения МИД предложил проект преобразования Пекинской Миссии из дипломатического представительства в миссионерское с разделением функций между РДМ и учрежденным в 1861 г. русским консульством в Пекине. Дополнения к действующей инструкции РДМ были окончательно закреплены за РДМ инструкцией 1864 г., после чего Миссия осуществляла свои уже чисто миссионерские задачи при дипломатической поддержке российского консульства.

Не менее значительна роль Азиатского департамента МИД в отношении миссионерства в Северной Америке и Приамурье. Так, по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, придававшего большое значение православному миссионерству на русском Дальнем Востоке, епархиальное управление Камчатско-Алеутской епархией в 1850 г. было перенесено на Азиатский континент³. С очередным перемещением той же кафедры в 1858 г. из Якутска в Благовещенск для русских миссионеров открылись обширные перспективы в Приамурье и Приморье, а также на пограничных территориях с Китаем – в современной Корее и Маньчжурии.

История создания четвертой РДМ за рубежом – Русской Духовной Миссии в Японии – также связана с российской дипломатией на Дальнем Востоке. Ее инициатором явился И.А. Гошкевич, в 1839–1848 гг. состоявший в Пекинской Духовной Миссии и назначенный в декабре 1857 г. русским консулом в Хакодате⁴. В 1861 г. по его

¹ См. подр.: Шубина С.А. Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998.

² Смирнова И.Ю. Русские Духовные Миссии в Пекине и Иерусалиме: особенности реформирования после Крымской войны (1850-е – 1860-е гг.) // ППС. 2018. Вып. 115. С. 49–60.

³ Смирнова И.Ю. Перенесение Камчаткой, Курильской, Алеутской кафедры (1850 г.): pro и contra // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. 2018. Вып. 4 (812). С. 159–160.

⁴ См. подр.: Щеглов Н.В., свящ. Иосиф Гошкевич – ориенталист, миссионер и дипломат // Церковь и время. 2015. № 4 (73). С. 242–278.

ходатайству в Японию прибыл иеромонах Николай (Касаткин) – известный впоследствии миссионер святитель Николай Японский, многолетние проповеднические труды которого привели к учреждению РДМ (1870 г.) и созданию Русской Православной Церкви в Японии.

Современник святителя Николая П.А. Гильтебрандт оценивал просветительскую роль Японской Духовной Миссии как «великое дело», имевшее для России «еще и политическое значение». Он указывал на тесную связь между расширением русского духовного присутствия в Японии и укреплением позиций России на Дальнем Востоке, полагая, что «будущее нашего Тихо-Океанского побережья много зависит от дружеских связей с Японией»¹.

Последней в конце XIX в., вслед за РДМ в Корее (1897 г.), была учреждена Русская Духовная Миссия в Урмии (1898 г.), действовавшая в области, входившей в состав Персии и территориально относившейся к Персидскому Азербайджану, сопредельному с Азербайджаном Кавказским, отошедшим после Русско-персидской войны 1826–1828 гг. к Российской империи по Туркманчайскому трактату². Предпосылками к открытию Урмийской РДМ послужила деятельность католических и протестантских миссионеров. Но если в присутствии католических и американских миссионеров российский генконсул в Тавризе А.А. Петров не видел повода для беспокойства, то появление на миссионерской сцене миссионеров британских, трудившихся под эгидой государственной Церкви Англии при поддержке британского общества и под «исключительной и энергичной охраной» британских дипломатов, А.А. Петров воспринял с большой тревогой, сознавая, что конфессиональная ситуация в Урмии может заметно измениться в ущерб интересам России. Полагая, что Россия не должна оставаться в стороне, как это было прежде, генконсул предложил «посылать наше духовенство к несторианам» для их просвещения в целях «поддержания национального духа несториан и оказания противодействия западной пропаганде»³. Этому проекту было суждено реализоваться лишь спустя десять лет, когда в марте 1898 г. РДМ в Урмии получила официальное учреждение. Новая российская духовная миссия была воспринята в дипломатических кругах Британии и Франции как важный в стратегическом отношении форпост России в Персидском Азербайджане.

Британские дипломаты, при тесном взаимодействии с миссионерами, видели свою задачу в том, чтобы воспрепятствовать России в ее продвижении в Индию и Персию. Как аргументировано показано в работе Л.А. Герд, основной задачей британских консулов и миссионеров как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Азии «было помешать переходу несториан в православие и присоединению их к Русской Церкви»⁴. Так, генконсул в Урмии Сесиль Вуд, выражая опасения, что присутствие РДМ еще более укрепит российское влияние, считал своим долгом дипломата и британского подданного «положить тому предел»⁵. Французский консул Бержерон видел в членах РДМ опасных конкурентов, способных подорвать положение католической миссии и свести к минимуму число римско-католических прозелитов, что лишней раз показывает внешнеполитический характер западного миссионерства как авангарда колониальной политики великих держав.

На приведенных примерах можно видеть, что в регионах, представлявших для

¹ Гильтебрандт П.А. Предисловие к статье архимандрита Николая (Касаткина) «Япония и Россия» // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 11. С. 211.

² Константин (Горянов), архиепископ. История православной миссии в Иране // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 12–39.

³ Цит. по: Смирнова И.Ю., Шавлидзе З.Б. К предыстории Русской духовной миссии в Урмии (вторая половина XIX в.): по документам Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 66.

⁴ Герд Л.А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 156.

⁵ Цит. по: Смирнова И.Ю., Шавлидзе З.Б. Указ. соч. С. 67.

великих держав геополитический интерес, внешняя политика России, по аналогии с другими державами, осуществлялась по церковным каналам с использованием РДМ, деятельность которых осуществлялась при тесном взаимодействии МИДа и Святейшего Синода. Членам РДМ нередко приходилось исполнять дипломатические функции, поддерживая отношения с местными представителями государственной власти и лидерами религиозных общин. От их действий зависело развитие межконфессиональных и культурно-научных связей, что накладывало на них определенные обязательства и ответственность.

Несмотря на сложности, встречавшиеся в координационной работе русских представительств за рубежом, выражавшиеся в корпоративном соперничестве и недопонимании порой российскими дипломатами роли конфессионального фактора во внешней политике, а также в случавшихся межличностных трениях, затруднявших совместную работу российских представителей за рубежом, межведомственное сотрудничество МИДа и Синода успешно содействовало развитию российского политического, духовного и культурного присутствия в регионах, входивших в сферу геополитических интересов великих держав.

Во второй половине XIX в. в результате принятых программных мер была возобновлена деятельность РДМ в Иерусалиме; разработаны концепции русского церковного присутствия на русском Дальнем Востоке (1858–1862 гг.), в Китае (1858–1864 гг.) и в Калифорнии (1867–1870 гг.); осуществлено перенесение Камчатско-Алеутской кафедры в Благовещенск с одновременным созданием викарной кафедры в Новоархангельске (Аляска); реформирована РДМ в Пекине; создана епархия с кафедрой в Сан-Франциско (1870 г.); учреждены РДМ в Японии (1870 г.), Корею (1897 г.) и Урмии (1898 г.). Таким образом, синхронизированная работа Министерства иностранных дел и Святейшего Синода по выстраиванию и координированию церковно-дипломатических структур в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах привела к созданию комплексной сети православных форпостов на рубежах Российской империи, призванных к сдерживанию политической и миссионерской активности стран Запада на границах России.

Источники и литература

1. Герд Л.А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 137–157.
2. Гильтебрандт П.А. Предисловие к статье архимандрита Николая (Касаткина) «Япония и Россия» // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 11. С. 211–217.
3. Константин (Горянов), архиепископ. История православной миссии в Иране // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 12–39.
4. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. 510 с.
5. Лисовой Н.Н., Мельникова Л.В., Назаренко А.В., Смирнова И.Ю. Империя и Церковь в истории России: духовные основы политики, национальной безопасности и русского присутствия в мире (XVIII – начало XX вв.) // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В.А. Тишкова и Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 70–97.
6. Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. 456 с.
7. Смирнова И.Ю. Перенесение Камчаткой, Курильской, Алеутской кафедры (1850 г.): pro и contra // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. 2018. Вып. 4 (812). С. 152–164.
8. Смирнова И.Ю. Русские Духовные Миссии в Пекине и Иерусалиме: особенности реформирования после Крымской войны (1850-е – 1860-е гг.) // Православный Палестинский сборник. 2018. Вып. 115. С. 49–60.
9. Смирнова И.Ю., Шавлидзе З.Б. К предыстории Русской духовной миссии в Урмии (вторая половина XIX в.): по документам Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 61–68.

10. Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 гг. // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX в.: к столетию акад. А.Л. Нарочницкого / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 2007. С. 221–265.
11. Шубина С.А. Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998.
12. Щеглов Н.В., священник. Иосиф Гошкевич – ориенталист, миссионер и дипломат // Церковь и время. 2015. № 4 (73). С. 242–278.